

**МАРК
ЛОУРЕНС**

УБИТЬ ОДНИМ СЛОВОМ

ФИНАЛИСТ *ДЛЯ ФАНАТОВ «ПЕРВОМУ
GOODREADS ИГРОКУ ПРИГОТОВИТЬСЯ»*
CHOICE AWARD *И «ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ДЕЛА»*

Young Adult. Магия времен

Марк Лоуренс

УБИТЬ ОДНИМ СЛОВОМ

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Лоуренс М.

Убить одним словом / М. Лоуренс — «Эксмо», 2019 — (Young Adult. Магия времен)

ISBN 978-5-04-111769-6

Январь 1986. 15-летний Ник Хэйс борется с раком. И каждую неделю погружается с друзьями в мир ролевой игры Dungeons & Dragons, чтобы ненадолго сбежать от смерти. Однажды Ник встретит незнакомца, который откроет ему, что произойдет в ближайшем будущем. Кто он? Безумный маньяк с потусторонними силами или путешественник во времени? Как выжить в одной из множества реальностей и обойти законы физики? И как один выбор решит судьбу?

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111769-6

© Лоуренс М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	11
3	19
4	27
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марк Лоуренс

Убить одним словом

Mark Lawrence

One word kill (Impossible Times Book 1)

Copyright © Mark Lawrence, 2019

© Петрушков П.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо»,
2020

*Всем, с кем я играл в «Подземелья и драконы». Пусть каждый ваш
ход будет решающим.*

1

Когда доктор Парсонс перестал ходить вокруг да около и наконец-то произнес слово «рак», он так быстро перешел на другую тему, что мне показалось, будто я ослышался. Он сказал мне, что мальчики моего возраста очень хорошо поддаются лечению. С этого момента моя мать переняла инициативу в беседе, и вскоре оба пустились в пространные рассуждения о проценте выживаемости. Она находила успокоение в технических подробностях – всякий раз, когда в жизни происходило что-то страшное. Однако же если совсем по-честному, то это была не лучшая идея – через две минуты после постановки диагноза «лейкемия» сойтись на том, что «вылечится» на врачебном языке означает «протянет еще лет пять». Пять лет позволят мне дожить до девяностых в преклонном двадцатилетнем возрасте.

Дело было восьмого января 1986 года. Доктор Парсонс, под давлением со стороны моей матери, признался, что спустя пять лет после постановки диагноза приблизительно половина пациентов с моей разновидностью этого заболевания все еще находятся над землей. «Вылечится!» Я точно так же не хотел делать необоснованные предположения, как и доктор Парсонс, но мне казалось, что на самом деле он не дал бы мне и больше четырех недель. Впрочем, как выяснилось позже, я умер еще до наступления февраля.

Доктор Ян Парсонс был высоким, угловатым мужчиной с короткими, черными, непримечательными волосами и без малейшего намека на обладание врачебным тактом. Он выглядел чрезвычайно обеспокоенным, и у меня сформировалось впечатление – возможно, несправедливое, – что он обвинял меня в создавшемся неудобном положении, которое вынуждало его сообщить пятнадцатилетнему мальчику о том, что у того практически нет шансов дожить до двадцати лет. Впрочем, я его простил. Я и сам был высоким и угловатым, и, вероятно, у меня также не было потенциала к овладению искусством врачебного такта. В общем и целом другие люди представлялись мне гораздо большей загадкой, чем, скажем, вычисление интегралов, которое, по словам моих школьных друзей, было довольно трудным делом. Я горжусь множественным числом. Друзья. У меня их было двое. Трое, если расширить границы за пределы школьного двора и посчитать Элтона, что я и сделал. Четверо, если посчитать девушку. Чего я не сделал, по своей глупости.

Я наблюдал за тем, как разговаривали доктор Парсонс и моя мама. К этому моменту я перестал вслушиваться в суть дела и следил за их беседой, как за теннисным матчем по телевизору с выключенным звуком – матч-реванш Макинроя против Лендла¹, – они перебрасывались вопросами и ответами, словно отбивали мяч ракетками. Люди выглядят нелепо, если выключить звук и смотреть, как они танцуют без музыки. То же самое – когда они говорят бессмысленные вещи. Если игнорировать слова, то обращаешь внимание на честность эмоций, которые отражаются на лицах во время разговора. В глазах моей матери читалось необычное отчаяние.

Если бы я ее слушал, я бы не заметил этого. Она всегда брала верх, в любой ситуации, собирала факты, полностью себя контролировала. Холодный, как сталь, взгляд, строгая седина волос – мать полностью поседела, когда ей еще и тридцати не было, – плотно сжатые губы, тщательно задававшие форму любому вопросу. Но «с выключенным звуком» она выглядела так, словно вот-вот разрыдается. Это меня сильно беспокоило. На нерешительном лице доктора Парсонса я видел смесь вины и скуки. Вероятно, еще и намек на удивление глубиной познаний моей матери. Полимат – вот как ее называли. Мой отец говорил когда-то, что она знает все обо всем. Он умер, когда мне было двенадцать. У него тоже был рак, от которого он вылечился, попав под колеса поезда.

¹ Джон Макинрой и Иван Лендл – американские теннисисты. (Здесь и далее прим. пер.)

Мой отец был знаменитым математиком. По крайней мере, настолько знаменитым, насколько могут быть математики или ученые, если их фамилия не Эйнштейн. Другие математики в его области знали его имя. Больше его никто не знал.

В день своей смерти он сказал мне:

– Уравнениям, которые управляют Вселенной, нет дела до «сейчас». Можно расспрашивать их об этом времени или о том времени, но нигде во всей их стройной математической системе ты не найдешь и намека на «сейчас». Идея одного отдельного момента, одного универсального «сейчас», которое мчится по дороге времени со скоростью шестьдесят минут в час, врезается между секундами, выплевывая назад прошлое и с головой бросаясь в будущее... Это всего лишь артефакт сознания, наша собственная выдумка, которая космосу ни к чему.

Так мы с ним общались.

– Ник? – Очевидно, моя мать пришла к какому-то выводу, и от меня требовалось сказать «да» прежде, чем план действий будет претворен в жизнь.

– Я согласен с доктором, – сказал я.

– Ну что ж. – Доктор Парсонс потянулся к телефону, лежавшему около его блокнота. – Я запишу вас на химиотерапию на завтра. Мы рано обнаружили заболевание, и если не медлить с лечением, то прогноз... – Он несколько побелел под стальным взглядом матери. – Э-э... Лучше.

Я не помню первую ночь, проведенную дома, а точнее, я помню лишь то, как все прокручивал в голове одну-единственную мысль: это ужас, гнавшийся за своим собственным хвостом, паралич, замаскированный под бурную деятельность.

«Оксфордский словарь английского языка» сообщил мне, что «рак» – это существительное, затем он пояснил мне, как это слово правильно произносится, после чего он заявил, что это заболевание, спровоцированное неконтролируемым делением аномальных клеток в теле. В такой формулировке не так уж и страшно. Затем он, правда, все испортил, добавив, что английское «cancer» произошло от греческого *karkinos*, «краб»: метастазы, распространяющиеся во все стороны от опухоли, своим видом напоминают множество конечностей краба.

Хотя бы не в честь паука. Если уж меня сожрут живьем, чего я, правда, отнюдь не желал, то пусть это все-таки будет краб, а не паук.

Прежде чем диагноз поставили моему отцу, «рак» был одним из множества слов, которые мелькали где-то на заднем плане, лишь изредка выделяясь на общем фоне страшилок какими-то размытыми подробностями. «Миссис Эллард? А, да у нее рак. Прогноз неутешительный». «Младший братишка Саймона? Милый, он больше не будет ходить в школу». «Болезнь с большой буквы „Р“». Этого достаточно.

Затем рак превратился в монстра, который крался за моей спиной, и я шел вперед по жизни, наотрез отказываясь оглянуться, чтобы не спровоцировать его наброситься на меня. Как выяснилось, не имело никакого значения, оглянусь я или нет. На меня все равно набросились.

В больнице мне было не так страшно. Хотя статистика просто-таки кричала о том, что каждая вымощенная белой плиткой стена, каждая резиновая трубка, каждая игла и каждый пакет «химии» были признанием поражения. Эти люди не знали, как сделать мне лучше, они лишь *делали вид*, что знают. Их белоснежные халаты, стетоскопы, блестяще отрепетированное сочувствие. Их уверенность отчасти заполняла пустоту, которая оставалась после того, как моя уверенность давала деру.

Они называли это «химиотерапией», и иногда медсестры говорили: «Пора, Ник, принять лекарство» или что-то в этом духе. Но никто не считал ее лекарством. Потому что это не лекарство. Это яд.

В прошлом пациентов с сифилисом накачивали ядом. Спасибо маме, что поделилась со мной этой крупницей информации. Не многие пятнадцатилетние мальчики могут похвастаться такими знаниями. Если отмотать время назад, да не в масштабах моей короткой жизни, а на несколько десятилетий, то окажется, что до Второй мировой и использования пенициллина единственным действенным средством против сифилиса было накачать жертву мышьяком. Логика состояла в том, что, хотя мышьяк – это смертельный яд, он куда более смертелен для бактерий, которые вызывают заболевание, и при тщательной дозировке доктор может убить одного из вас, не убивая другого. Химиотерапия – это примерно то же самое. Может быть, эти химические вещества не входят в список фаворитов для казни знаменитых преступников, но суть та же самая. Задача – превратить мою кровь в суп, достаточно токсичный для раковых клеток, не позволяя при этом умереть мне самому.

Я лежал на чистой постели под хрусткими хлопковыми простынями в палате, в которой совершенно одинаковые кровати выстроены слева и справа, отделенные одна от другой занавесками, которые можно было задернуть для уединения. Нас было одиннадцать; еще три кровати пустовали. Примерно треть из нас выглядела так, словно нас только что схватили на улице и запихали в платье с вырезом на спине. Если честно, то приблизительно так все и произошло. Еще треть уже начала терять волосы, у некоторых проявились угрожающего вида залысины, у других волосы проредились, как у стариков. Эти ребята выглядели неважно, мешки под глазами у них были такие, будто бы они не спали пару ночей, они были бледные и сильно потели. В основном они были моложе меня. Будь я на год старше, меня отправили бы в больницу Илинг-Дженерал, к взрослым. Оставшаяся треть уже облысела и так отошала, что казалось, у них кости треснут от малейшего напряжения. Они вели себя как старики и старухи, лежали истощенные в своих постелях. Если они смотрели на тебя ввалившимися потускневшими глазами, можно было разглядеть череп сквозь кожу.

Распределили нас в зависимости от длительности лечения, поэтому палата выглядела как конвейерная лента, на которую с одной стороны складывали здоровых детей, а с другой принимали трупы.

Медсестра, столь привлекательная, что это доставляло мне дискомфорт, немногим старше меня, называвшая меня Никки раздражающе покровительственным тоном, налаживала мою линию. «Линией» тут называли иглу, воткнутую в вену на моей руке, замотанной примерно милей белой марли. Яд, подаваемый через пластиковую трубочку из прозрачного мешка на стойке рядом с кроватью, струился по игле. Он был ядовито-желтого цвета. Мне казалось, что так могла бы выглядеть радиоактивная моча.

Родителей и других посетителей выгоняли в половине шестого. Некоторые из них резко направлялись к двери, словно жаждали глотнуть свежего воздуха, другие еле волочились по полу, затыкая свои прощания. Некоторые держались стойко и сдерживали рыдания, другие были такими же седыми и истощенными, как и дети, которых они оставляли позади. Вместе с ними в палату входили шум и пустые обещания. Мать была с ними. Я не мог побыть в уединении, и это угнетало меня в большей степени, чем когда-либо ранее. Прошел лишь один день, но я уже выяснил, что рак словно накрывает тебя куполом, полностью отрезая от мира. Ты еще видишь окружающих тебя людей, но их слова становятся приглушенными, и они не могут к тебе прикоснуться. Я никому не звонил. Я никому ни о чем не рассказал. Да и что бы я мог рассказать?

Никто в палате особо не желал общаться, за исключением девочки по имени Ева, лежавшей на противоположной кровати. Она *слишком* много хотела общаться. Казалось, что все остальные притворялись, будто ее нет, читая свои книжки и комиксы, поедая сладости, если еще оставался аппетит, слушая больничное радио через наушники, похожие на белые пластиковые щипцы.

– Говорят, что некоторых вообще не тошнит на первой неделе, – сказала мне Ева.

Я пытался не отрывать взгляда от страниц моей книги. Я взял с собой «Основания математики» Бертрانا Рассела, потому что мне хотелось увидеть, как он строит свой чудесный математический карточный домик. Я нуждался в том, чтобы увидеть это строение во всем его величии. Свежее, цельное, полное, как идеальный сын своего отца. После чего я собирался прочитать о том, как гениальный молодой математик по имени Курт Гедель разрушил до основания великое творение Рассела восемнадцать лет спустя. Как выяснилось, золотой ребенок гения был все-таки колоссом на глиняных ногах; споткнувшись о теорему о неполноте Геделя, он раздробился, и золото превратилось в прах. Подозреваю, что теорема Геделя стала раком Рассела, неконтролируемым делением аномальных клеток глубоко внутри математики, и эту заразу никакой яд не сможет прогнать из ее вен.

Еве все это было совершенно неинтересно, кроме того, она полностью игнорировала социальные сигналы, например односложные ответы. Возможно, она всегда была такая, а может быть, она решила, что ее болезнь дала ей право вести себя, как хочется.

– Что читаешь? Кажется, скуотища. Я не люблю читать. Хотела бы я, чтобы здесь был телек. – Ева остановилась, скорее чтобы перевести дыхание, чем чтобы выслушать мой ответ.

– О-о, – протянул я.

Она сказала, что ей четырнадцать, но я бы поверил, и если бы она сказала, что ей десять или двадцать. Она была худая и непримечательная, с жиденькими каштановыми волосами и острым, как лезвие, носом. У нее были опухоли в печени, по ее словам. Она спросила меня, что это значит, но не слушала, когда я ей объяснил. Сомневаюсь, что она вообще знала, где у нее находится печень и зачем она нужна.

– Уверена, меня будет мутить всю ночь. Это моя первая ночь, знаешь? Я буду блевать, пока вчерашний завтрак не выйдет. Тебя мутит? Меня уже немного. Ты ощущаешь вкус лимона?

– Нет. – Я не был уверен в том, как я себя чувствовал. Вздвинченный. Готовый сбежать. Голодный, больной, нетерпеливый, неспособный остановить танец тождеств, расплывавшихся на странице... миллион ощущений одновременно. Но в этот миллион не входило желание об этом распространяться.

Медсестра вошла через двойные двери в нашем конце палаты и прикатила с собой тележку из нержавеющей стали с кучей пакетов с ядовито-желтым токсином.

За ней в глубине длинного зеленого коридора, ведущего во внешний мир, я увидел свою мать. Она должна была покинуть здание еще десять минут назад. Я думал, что она уже на полпути домой, но она была там, а рядом с ней я увидел высокого мужчину в темном плаще. Издалека мне не удалось его как следует разглядеть, но даже так мне отчетливо казалось, что я его откуда-то знаю. Не так, как мы обычно узнаем знакомых, а скорее что-то вроде дежавю: интенсивная, почти что яростная уверенность, что эту картину я уже видел. Высокий мужчина в темном плаще, флуоресцентные лампы коридора, бликами отражавшиеся на его совершенно лысой голове. Он смотрел на мою мать со злостью или обеспокоенностью, в то время как она сделала нечто такое, что заставило меня сомневаться, она ли это вообще: отшатнулась, словно ее ударили, отступила, пока не уперлась спиной в стену, попыталась нащупать руками ручку двери.

Двери захлопнулись, и больше я ничего не увидел.

– Уверена, что меня будет мутить всю ночь. Это моя первая ночь, знаешь? – сказала Ева, и лампы над нами немного потускнели, а потом на секунду загорелись ярче, чем должны.

– Разве только что ты не сказала мне то же самое? – спросил я, бросая взгляд на иглу в моей руке, на желтый яд, которому уже не терпелось проникнуть внутрь меня.

Она нахмурилась на мгновение и продолжила:

– Я буду блевать, пока вчерашний завтрак не выйдет. Тебя мутит? Меня уже немного. Ты ощущаешь вкус лимона?

2

Если бы белоснежные простыни и самоуверенные улыбки могли исцелить рак, то от него бы никто не умирал. К сожалению, это были лишь декорации, выставленные Национальной службой здравоохранения. Я лежал на их металлической койке, рабочий конец длинной иглы был воткнут мне в вену, по которой струится их яд. На противоположной койке лежала Ева, она трещала без умолку. Мне казалось, что химический суп в пакете, который висит рядом со мной на стойке, закончится раньше, чем запасы ее бессвязной чуши. Но они у нее все-таки закончились, и вскоре после этого ее вырвало в картонное ведро, которое ей принесла медсестра. И тут я понял, что ей попросту было страшно; она была напуганной девчонкой, которую родители бросили наедине со смертельной болезнью. Я понял, что вел себя, как последняя сволочь. Снова. После этого кислый запах ее рвоты достиг моих ноздрей, и меня самого начало мутить.

– Все будет хорошо, Ева. – Слова прозвучали неуклюже, это даже мне самому было заметно. – Держись.

Она не отреагировала и вообще не подняла головы от ведерка, в которое стекала струйка слюны из ее рта.

Я отвернулся и уставился в болезненную белизну потолка. Пакет с химией висел надо мной, словно зловредная желтая капля, похожая на те большие каплеобразные вазы со всякими жидкостями, которые выставляются в витринах аптек. Свет от потолочных ламп фокусировался в желтом содержимом пакета, окрашивая все в пределах моей видимости в желтый цвет.

– Ник!

– А... Что?

– Бросай дайс², слабак. – Элтон многозначительно уставился на стол, стоявший передо мной.

Я резко подскочил, опрокинув стул и пошатнув стол. Полдюжины металлических фигурок в дюйм высотой свалились. Три из них были облачены в броню и держали в руках мечи. Остальные три были более крупными и коричневыми... ограмми. Саймон их раскрасил, и получилось у него, как всегда, отменно. На фоне его фигурок наши выглядели так, словно их размаเลвали малярными кистями младенцы.

– Что за херня происходит? – Мне казалось, что во мне двадцать футов роста. Голова кружилась так, что еще немного – и я окажусь на столе среди всех дайсов, фигурок, листов бумаги, руководств, банок колы.

– Отлично сработано, debil! – фыркнул Джон и покачал головой. Я так и не понял, как Джон оказался в нашей группе по «Подземельям и драконам³». Красивый, популярный, уверенный в себе. Совсем не тот типаж. Совсем не *наши* типаж. Вероятно, как раз поэтому он не афишировал нашу команду в школе. Это было не так больно, как может показаться. Полагаю, я был отчаянно благодарен, что меня признал кто-то «нормальный».

Саймон уже умело раскладывал фигурки, стараясь воссоздать изначальный порядок среди разрозненных карт и листов персонажей⁴. Мне всегда казалось, что руки Саймона такие

² Дайс – игральная кость, используемая в таких настольных играх, как «Подземелья и драконы», для внесения в игровой процесс фактора случайности. В отличие от других игр, у дайса может быть больше шести граней. Традиционно они обозначаются буквой «D» и числом граней (например, D6, D8, D12, D20 и т. д.).

³ «Подземелья и драконы» – настольная ролевая игра в жанре фэнтези, появившаяся в 1974 году, в которой каждый игрок руководит действиями своего персонажа, а ведущий игры («мастер подземелья») руководит действиями неигровых персонажей, моделирует происходящие события, описывает игровой мир. Случайные события определяются броском дайса.

⁴ Лист персонажа – документ, в котором записаны все характеристики управляемого игроком героя (имя, раса, класс,

же толстые и неуклюжие, как и весь остальной Саймон, но он вполне мог бы в будущем стать нейрохирургом. Он воспроизвел расположение фигур с поразительной точностью, бубня себе что-то под нос. Саймон никогда ничего не забывал. Он знал число «пи» с точностью до стольких знаков после запятой, сколько не захотел бы запомнить ни один здравомыслящий человек. Я иногда подшучивал, что это было иррациональное свойство его памяти. Математическая шутка, которую никто не поймет.

– Бросай давай! – Элтон изогнул бровь. Я хорошо знал это выражение его лица. Зачастую за ним следовал прием карате, когда Элтон заговаривал тебе зубы, словно в замедленной съемке опрокидывая тебя на задницу при этом. Даже если бы он совершал бросок вчетверо медленнее, с этим было бы невозможно что-либо сделать. Элтон свое дело знал. У его самого старшего брата был черный пояс, и трое остальных стремительно двигались в том же направлении. Все пятеро жили в крошечной квартирке, которую его родители с трудом раздобыли, как только приплыли из Мадагаскара. Там и вдвоем-то было не ужиться, а их было семеро.

Я так и не понял, что происходит, но все-таки потянулся за двадцатигранником.

– Дб! – Саймон кинул горсть шестигранников в мою сторону. Он был сосредоточен и нетерпелив. – Кидай на урон!

– Соблюдай программу, Ник. – Джон откинулся назад, поставив стул на две ножки, непринужденно ухмыляясь. – Не считай ворон за работой!

– Но... – Я осмотрелся. Мы были в спальне Саймона, набитой книгами и коллекционными фигурками. Фэнтези и научная фантастика, а также несколько книг о поездках, за которые Саймон отчаянно цеплялся, несмотря на то, что *даже* фанаты «Подземелий и драконов» считали, что это исключительно некруто.

– Но... – Я сжал дайс в руке так сильно, что его грани больно впились в кожу, доказывая, что я не сплю. – Я здесь уже бывал. Я это уже делал.

– Да... – сказал Элтон. – В прошлый раз ты скастовал огненный шар на группу монстров. Кидай уже на чертов урон.

– Да, но... это было неделю назад.

– Ха! – самой раздражающей привычкой Джона было то, что он проговаривал свой смех. Он не смеялся, как нормальный человек... он говорил «Ха». От этого мне еще меньше хотелось доверять ему. Смех должен быть естественным, даже если все остальное под контролем. – Ты попал «Назад в будущее!».

– Н-нет. – Саймон всегда заикался, когда пытался выдать из себя шутку. – Он Т-терминатор.

– Которого послали из будущего убить нас! – оскалился Элтон. Он сказал, передразнивая Шварценеггера: – Мне нужна твоя одежда! – и оскалился еще больше, смахивая воображаемую пыль с плеча. – Мечтай дальше, мальчик. Тебе до этого не дотянуться. Это называется «стиль».

– Я был в онкологической палате...

– Онко-что? – фыркнул Джон.

– Палате? – нахмурился Саймон. – Типа, в больнице?

– Рак, – угрюмо сказал Элтон. – Не круто, чувак. Над этой хренью не смеются.

– Я докажу! Я... – Дайс выпал из моей руки, и я присел. Я схватил ручку, и пока остальные нависали над дайсом, складывая выпавшие числа, я отодвинул края игрового поля и принялся писать с таким нажимом, что покорибилось отполированное дерево.

– Так, с тобой мы закончили, Никки.

– Что? – моргнул я. Симпатичная медсестра Лиза тянулась к моей руке. Я отдернул ее.

– Тише, – улыбнулась она. – С тобой закончили. Можно вынуть иглу.

Она принялась отматывать марлю с моего предплечья. Над ней болтался пакет химии, раньше набухший от яда, словно железы за змеиными клыками, а теперь дряблый, почти пустой, лишь с несколькими каплями желтого яда.

– Много галок наловил?

– Что?

– Ты совсем замечтался. Уставился в потолок. – Она закончила с марлей и принялась вытаскивать иглу, держа наготове кусочек ваты на случай, если пойдет кровь.

– Я словно вернулся в прошлую неделю. – Я напрягся, когда выходила игла. Это было не столько больно, сколько колюче, но ощущение было неприятным. – Из-за этого могут возникнуть кошмары?

Лиза поджала губы и выпрямилась:

– Многие дети видят кошмары в больнице. Не волнуйся из-за этого. Мы будем проверять, как у тебя дела, по ночам, чтобы удостовериться, что у тебя нормальная реакция. Можешь нажать кнопку вызова, если тебя замутит. Мы дадим тебе лекарство.

– Лекарство от лекарства, – моргнул я. Какая-то часть меня так и осталась в комнате Саймона. Мне все еще казалось, что в моих руках зажата ручка. Я опустил взгляд, но, вопреки ожиданиям, мои руки не были перепачканы чернилами. – Я хотел сказать, из-за этого возникают галлюцинации и все такое?

Лиза покачала головой. Ее волосы были завязаны в узел.

– Не беспокойся ни о чем подобном, Никки. Все будет хорошо.

Она ушла, увезя моток марли и иглу на тележке. Я смотрел ей вслед.

В лишенной окон палате стало немного ярче, и раздался топот: наступило утро. Было слышно, как на посту медсестер пришедшая дневная смена здоровалась с уходящей ночной. Ничего не соображая, я повернулся, запутавшись в простынях. У меня все ныло, словно я ночью бегал по бесконечным коридорам, а не смотрел скучные сны.

Спал я плохо. Боль в суставах, агония, которая без предупреждения принялась гарцевать по костям моих рук и ног, постоянно вытаскивала меня из и без того неглубокого сна. Когда боли начались впервые, мать сказала, что это мое тело растет и что большинство мальчиков так себя чувствуют, если они намереваются вырасти на фут за год. Тело росло, и боли росли. С этими симптомами меня направили в кабинет местного терапевта, с ними же от меня и отмахнулись и сказали прийти через три недели, что я и сделал вместе с моей негодующей матерью. На сей раз нас ублажали обещаниями провести «обследование» в больнице.

После первой долгой химической ночи моя мать прибыла ровно в девять, к началу часов посещения. Поток родителей ворвался в палату, и она вместе с ними. Пока остальные родители с любопытством осматривали палату, взгляд матери оставался прикованным ко мне. На остальных детей она даже не взглянула.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой?

– Я... я не знаю. – Я видел, как напрягается ее лицо. – Хорошо! – сказал я. Ее брови изогнулись. – Не то чтобы плохо... – Я наконец решил остановиться на варианте, близком к правде. – Странно.

– Они сказали, что тебя будет тошнить. – Ее взгляд скользнул по ведерку на моем столе. – И выпадут волосы, разумеется. – Она взглянула на мою челку, словно ожидая, что она уже начала редеть. Словно мои непричесанные космы, исправно находившиеся на моей голове на протяжении пятнадцати лет, только и поджидали момента, чтобы выпасть при первой же возможности.

– С кем ты разговаривала в коридоре прошлой ночью? Кто этот мужчина?

– Какой мужчина? – Она немедленно приобрела виноватый вид. Никогда до этого я не видел ее виноватой. Ну разве что, когда она мне сказала, что попавший под поезд отец умер

моментально. Я прочитал в местной газете, что это был скользящий удар и он умер в больнице той ночью. Это меня всегда беспокоило. Он выбрал быструю смерть и потерпел неудачу, несмотря на то, что это был поезд. Будто бы, когда вселенная дала ему рак, было предрешиено, что он будет страдать так или иначе.

– Высокий такой, лысый. – Я потрогал свои волосы. – И что ты здесь делала так поздно?

– Я кое-что забыла. Пришлось вернуться. – Она жестом подозвала проходившую мимо моей койки медсестру. – Николасу сегодня будет разрешено переночевать дома?

– Судя по записям, врачи сделали все, что могли. Все в порядке. – Ее улыбка сочилась профессиональным оптимизмом. – Можете забрать Николаса домой, как только он почувствует, что готов. Мы отправим вам подтверждение следующего сеанса. Следующая неделя, то же время – боюсь, ему вновь придется остаться на ночь.

– Ну вот и отлично. – Мать скопировала улыбку медсестры и повернулась ко мне: – Ты готов ехать?

Тем все и закончилось. Пять минут спустя я выходил в огромный внешний мир, словно ничего не произошло, словно мои вены не были накачаны ядом, словно за моей спиной не осталось полдюжины умирающих детей, выглядевших, как тела из концлагерей, репортаж о которых нам показывали на уроке истории. Еве пришлось остаться. По крайней мере, пока ее не перестанет тошнить, как они сказали. Я остановился у края ее койки, чтобы попрощаться. Она выглядела болезненно, но продолжала озвучивать все, что приходило ей в голову, даже в присутствии родителей, стоявших по обе стороны ее койки.

– Ага. Увидимся на следующей неделе.

Мне показалось, что я должен что-то сделать. Вытянуть руку, возможно, похлопать ее по ноге, выступавшей из-под простыни. Но я этого не сделал. Тем более под осуждающим взглядом ее родителей. *А почему ты не болен?*

Ева выдавила из себя улыбку:

– Увидимся на следующей неделе. Я не подумала об этом. Мы теперь каждый раз будем видеться. Мы... Как это называется? Син-кро-ти-зировались? Это мои мама и папа. Увидимся, Ник! До встречи!

Она продолжала говорить, пока я следовал за матерью к выходу, словно наш разговор был веревкой, которая привязывала меня к ней, и она ни за что не отпустила бы меня, пока держалась за эту веревку.

Это всегда большое потрясение – попав в какую-то большую передрагу, увидеть, что мир с безупречным безразличием продолжает жить, как жил раньше. Умирает Элвис, Чарльз берет в жены Диану, и ты чувствуешь себя на одной волне, в одном потоке со всеми окружающими, даже если они не хотят быть частью этого потока. Но стоит обернуться, и оказывается, что, когда умирает твой отец или когда твоя кровь ополчается на тебя, мир совсем не изменяется. Планета вращается, птицы поют, а еще ездят автобусы, люди ходят на работу и занимаются своими делами, и продавец в магазинчике за углом все так же огрызается, как будто ты ему навязываешь свои деньги.

По дороге домой мы продирались сквозь пятничные дообеденные пробки. В Лондоне нет подходящего времени для вождения, есть только время, когда немного лучше, чем обычно. Все остальные сейчас в школе. Второй день занятий.

«Остальные». Как будто я все еще был частью компании, а не современным прокаженным, у которого вот-вот появится сверкающая лысина, персональная капельница и колокольчик, который словно провозглашает: «Нечистый! Нечистый!» Неважно, что говорят врачи: нет такой болезни, которая не казалась бы ближайшему твоему заразной.

Джон и Саймон ходили в Мэйлерт, ту же школу, что и я, частную школу, угнездившуюся на берегах Темзы. Необязательно быть богачом, чтобы попасть туда, достаточно не быть

нищим. Некоторые, впрочем, были богатыми. Дед Джона был лордом! Его отец чем-то занимался в городе. Судя по виду их поместья в Ричмонде, забрасывал деньги в мешки лопатой. Родители Саймона богатыми не были, они преподавали в школе и университете, но они смогли наскрести денег на то, чтобы Саймон был бит не особо регулярно, да еще и задирами более высокого класса. Саймон выглядел так, словно все его тело было расписано словом «жертва»: страдающий от полноты, нескладный и благословленный таким набором светских манер, что на его фоне даже я выглядел джентльменом.

Элтон ходил в опасного вида общеобразовательную школу неподалеку от дома Саймона. Мы в открытую завидовали ему, так как, в отличие от Мэйлерт, в его школе были смешанные классы, и половину каждого из них составляли девочки. Хотя нам всем отчаянно не хватало именно такого образования, по правде говоря, лишь у Джона были шансы обзавестись девушкой, если, конечно, старательное игнорирование девушки и неловкое молчание не были на самом деле ключом к соблазнению.

– Что ты хочешь на обед? – Голос матери был немного более ярким, капельку более хрупким, чем обычно. Она никогда не готовила мне обед. Я разогревал себе банку грибного супа. Или забывал ее разогреть и потом недоумевал, почему я хочу есть.

– Суп? – Мне хотелось сказать, что я хочу мою жизнь обратно. Вместо этого я поднялся на второй этаж, в мою спальню и рухнул на кровать, на которой спал всю жизнь. Когда-то трехлетний Никки прыгал по своей первой «взрослой» кровати, теперь долговязый пятнадцатилетний парень, слишком тощий, слишком угловатый, с жирными волосами, забрался на выдавший виды матрас и устался в потолок. Я лежал, пытаюсь игнорировать тупую боль в бедрах и запястьях. Слишком много мыслей толпилось в моей голове, но в итоге ни за одну из них я не мог зацепиться.

Потом я осознал, что стемнело. Я встал, не понимая, где нахожусь. С меня соскользнула простыня. Я на моей кровати. Все еще на моей кровати.

Темноту нарушил резкий шум. Удар гальки по окну. Я проковылял до другой стороны комнаты и включил свет. Моя комната. Такая же, какой я ее покинул. Единственное, что добавилось, – тарелка холодного супа. Я выключил свет и подошел к окну. У ближайшего фонаря стояли две фигуры в островке света. Более высокой фигурой оказался Джон. Он помахал мне.

Минутой позже я вышел из передней двери, застегивая на ходу пуховик.

– Быстро ты! В одежде спал?

– Типа того. – Я посмотрел ему за спину. Девушка все еще стояла, прислонившись к фонарю. Я видел пар от ее дыхания. У нее были черные коротковатые волосы, черный плащ, бледное лицо.

– Сколько времени?

– Скоро будет полночь, наверное, – пожал плечами Джон. – Я подумал, что надо бы нам провести тебя. Никки Хэйс не пропускает школу два дня подряд, если он не при смерти. – Он обернулся на девушку: – Миа, что скажешь, он похож на мертвеца? – Он изменил свое произношение, чтобы оно звучало как можно ближе к общему. У него не особо хорошо получилось, все равно был заметен аристократический выговор, которым он кичился в школе.

Миа посмотрела на меня так, словно вопрос Джона не был риторическим.

– Немного жизни в нем еще осталось, как мне кажется.

Она была подружкой Элтона. В первый и последний раз я ее видел две недели назад, когда он без предупреждения привел ее домой к Саймону на игру в «Подземелья и драконы». Мы с Саймоном были в шоке, еле-еле мямлили, словно стояли на сцене во время школьного спектакля и ожидали насмешек. Это была худшая игра всех времен. И я понятия не имею, что она делала с Джоном. Я продолжал пялиться то на нее, то на него, как идиот, пытаюсь додуматься,

как он раздобыл ее номер. И даже вооружившись им, как он набрался сверхчеловеческой храбрости позвонить ей.

– Мы идем к реке. – Джон вытащил банку «Фостерс» из кармана плаща и всучил ее мне. – Давай с нами, косячок забьем. – Он пантомимой изобразил раскуривание косяка.

Я взял банку, которая оказалась теплее, чем я ожидал.

– Ну, можно... – В моем животе заурчало, сигнализируя о сильном голоде. Я подумал о холодном грибном супе, и меня замутило.

Джон показывал дорогу. Если в Ричмонде кто-то говорит «река», то под этим всегда подразумевается Темза, широкая серо-зеленая полоса воды, скользящая через весь Лондон. Лишь Джон подразумевал Беверли Брук, ручей, струившийся через Ричмонд-Парк. И как слово «река» звучало слишком громко для этого ручья, так и слово «парк», казалось, не дотягивало до Ричмонд-Парка, который был куда больше, чем два футбольных поля с качелями, и на самом деле представлял собой полноценные охотничьи угодья семнадцатого века со всеми прилагавшимися оленями, втиснутыми в квадратную милю леса и полей посередине хаоса большого города.

У ворот со стороны Уэссекс-Роуд, ведущих в парк, я почувствовал себя так скверно, словно чья-то рука перекрутила мне все внутренности. Прежде чем я опомнился, я схватился одной рукой за железные прутья забора. Меня рвало и рвало, кислота разъедала мне горло, слюни забрызгивали основание воротного столба.

– Черт, ты и правда болен! – отдернулся Джон.

– Я в порядке. – Я распрямился. Чувствовал я себя отвратительно, изо рта текла слюна, руки тряслись. И пусть потом не говорят, что я не умею произвести первое впечатление на даму. – Пойдем.

Мы дошли до грязного берега по лесистой тропе. Было так темно, что я с трудом различал деревья. Без вездесущего лондонского освещения было бы невозможно даже просто идти по тропинке. Я брел за ними, дрожа от стреляющей боли в длинных костях моих ног. Поразительно, насколько сложнее отмахнуться от дискомфорта, когда кто-то говорит, что это не «тело растет», а «лейкемия». Миа шла впереди за Джоном, и время от времени они тихо переговаривались. Я все-таки еще не до конца проснулся, и их неразборчивые слова пролетали мимо моих ушей.

– Это ручей? – Казалось, что несколько черных ярдов воды между нами и кустами на противоположном берегу не произвели на нее никакого впечатления.

– В Америке они бы сказали, что это речушка. – Джон ездил в Штаты прошлым и позапрошлым летом. Возможно, он даже не подозревал, насколько часто он упоминал об этом факте в любом разговоре. Он снова порылся в кармане своего плаща и вытащил то, что было похоже на старую сигарету.

– Ты же не куришь, – сказал я.

– Это травка, мужик. – Джон говорил, как пафосный мальчик, безуспешно пытавшийся изобразить из себя растамана.

– Я думал, ты шутишь. – Слова словно сами слетели с моих губ, прежде чем я осознал, сколько возможностей произвести впечатление на единственную известную мне девушку я бездарно упустил.

– А Элтон?...

– Не глупи, – фыркнул Джон.

– Папа Элтона его убил бы, если бы он только прикоснулся к травке, – улыбнулась Миа. – Да и мама тоже. И его братья. Джон купил ее у меня. Я знаю одного парня. – Она пожала плечами.

– У меня... нет зажигалки. – Джон похлопал себя по груди, словно зажигалка или спички всегда находились у него в переднем кармане плаща.

Миа вздохнула и шелкнула серебристой зажигалкой, прикрывая пламя ладонью.

Горячий конец косяка Джона приблизился к его лицу. Он поместил противоположный конец между губ и выдул большое облако дыма.

– Крутяк, – проскрипел он, пытаясь подавить кашель, и предложил мне косяк: – Попробуй.

Он выглядел настолько удивленным, когда я принял у него косяк, что это было даже комично.

Протесты доброй дюжины ответственных взрослых поднялись в моей голове одновременно с тем, как поднималась в направлении моего рта рука с косяком. Их голоса звенели в моем затылке: голос миссис Грин, моей любимой учительницы второго класса, пронзительный, осуждающий; голос моей матери, строгий и разочарованный; голос мистера Стэнли из шахматного клуба, неодобрительный. Я их заблокировал. У меня был рак. С заглавной буквы «Р». Почему бы мне не попробовать? Узнать, что именно мне предлагают, прежде чем судьба лишит меня такого шанса.

Я прикоснулся губами к тому, что только что побывало между губ Джона, и вдохнул. Да, я не курил, но знал, как это делается. Дым наполнил мои легкие, как прохладный огонь. Я удержал его внутри, пока он не начал пощипывать и проситься наружу.

– Эй, полегче, Никки, дружище! – Джон никогда так со мной не разговаривал. Это было для Миа. Он похлопал меня по спине с такой силой, что я покачнулся и поневоле сделал несколько шагов в сторону воды.

Я зацепился ногой за корень и едва не свалился в ручей, но смог удержаться на ногах и сохранить равновесие, только и того, что ботинки запачкал. Кашляя, я вернулся, собираясь гневно сказать что-то... Но у меня слова в горле застряли, когда я увидел человека, стоявшего на тропинке.

– Там кто-то есть, – сказал я, не отводя глаз от черного силуэта, стоявшего в тени.

Джон пожал плечами и передал горящий косяк Миа.

– Это свободная страна.

– Но ты же его видишь? – Что-то здесь было не так: человек на нашей тропинке, неподвижный, наблюдающий, казавшийся огромным из-за чернильных силуэтов деревьев за его спиной.

Джон вновь оглянулся.

– Это просто какой-то мужик. – Его голос стал тревожным, вся его бравада испарилась.

– Нам надо идти. – Миа с серьезным видом потушила косяк. Она знала, что что-то не так.

– Конечно. – Джон увел нас, вновь расхрабрившись. Но не тем путем, которым мы пришли, а вдоль реки. Я шел за ними последним, и казалось, что холодная ночь отражается эхом вокруг меня. Краем глаза я видел призраков: пары, которые гуляли, взявшись за руки, бегавших друг за другом мальчиков, женщину с собакой, словно призрачные копии посетителей парка вернулись ночью, чтобы повторить дневные маршруты. Никто из них не задерживался на месте, если я оборачивался, чтобы посмотреть на них, рассеиваясь, как выдуваемый Джоном дым. Моя голова отяжелела, и мир вращался вокруг меня, когда я остановился. Одна затычка, и я был уже под кайфом?

– Он идет, – напряженно сказала Миа. Я бросил взгляд назад и увидел, как мужчина сделал шаг вперед, одна черная тень отделилась от другой, еле заметный блик отразился на лысой голове.

– Бежим! – Джон ускорил шаг.

Это свободная страна. Словно кто-то нашептывал мне эту фразу со всех сторон, и я тоже попытался перейти на бег, отмахиваясь от призраков матери и ребенка, семеновавших вниз по склону, после чего паника завладела всеми нами, и мы уже втроем бежали, не обращая внимания ни на что вокруг. Подобная сосредоточенность свойственна страху, но улечивается,

когда страх превращается в ужас. Вокруг мелькали кусты, когтистые ветви и глухие повороты, и это было похоже на кошмар.

– Боже! – Тяжело дыша, Джон прислонился к воротному столбу. – От чего мы вообще бежали? – Он попытался засмеяться, но вместо этого закашлялся.

– Не знаю. – Я посмотрел в черноту, оставшуюся позади. – Перестремались. Наверное, это просто был старый эксгибиционист.

– Ну что же, было весело. – Миа выглядела побледневшей, и вся ее аура крутой девчонки улетучилась. – Надо в следующем году повторить.

– Ха. – Джону все-таки удалось выдавить из себя смех. – Кое-что мы все-таки выяснили.

– Что? – спросил я.

– Не так уж ты и болен. Ты нас обоих обогнал!

И это было правдой. Боли, из-за которых меня так скрючивало по дороге к реке, исчезли, но было ли это из-за страха, травмы или того, насколько в целом странной была эта ночь, – без понятия.

3

- Ты не передумал идти?
- Да, сказал же тебе. – Я продолжил застегивать плащ.
- Ты не позавтракал. – Мать нацепила на себя этот ее плотный, обвиняющий взгляд.
- Я поем у Саймона. – Я схватил сумку и протянул руку к двери.
- Николас. – Она назвала меня полным именем. Значит, быть лекции.
- У меня все хорошо, – я сказал это чуть более резко, чем стоило. По ее лицу было заметно, что это ее задело. – Если мне будет нехорошо, я вернусь домой.
- Я приеду забрать тебя, если ты позвонишь...

Я закрыл дверь у нее перед носом и поспешил на улицу. День был холодный, с заморозками. Боль вернулась, простреливая в моих конечностях, вгрызаясь в мои бедра. Я прикусил губу и пошел быстрым шагом. *Агрессивный*. Так они описывали худшую форму рака. Возможно, мне тоже стоило быть агрессивным, если я собирался победить в этой битве.

Было настоящим шоком узнать, как быстро я превращусь в шаркающего старика, своей походкой словно старающегося обойти все боли, которые отныне определяли его бытие. Я хотел вернуться на месяц назад во времени. Я хотел наслаждаться недооцененной радостью жизни без боли, широко шагая без приступов боли и даже не опасаясь, что они могут возникнуть. Месяц назад мне казалось, что я неуязвим. Прошла пара недель, и я оказался запертым в предательском теле, которому я не мог доверять и которым я не мог управлять, и казалось, что моя молодость убежала от меня, как оставленное без присмотра молоко на конфорке.

Я шел по улицам Ричмонда, закутавшись в собственные мысли, выдыхая облачка пара перед собой. Вспомнился вчерашний дым. Призраки, видимо, были из-за наркотиков. Кто знает, какое дерьмо подмешал в траву тот «парень», продавший ее Миа. А еще там был маньяк. Или он просто выгуливал собаку. А почему бы и нет? Это свободная страна, в конце-то концов.

К Саймону я шел с запасом времени, потому что проснулся очень рано и не смог снова заснуть.

На углу Брод-стрит я увидел Майкла Девиса, прислонившегося спиной к стене, с сигаретой в руке. Я решил пойти через Фосс-вэй, чтобы избежать его. Девис был, можно сказать, одним из задир, он постоянно испытывал мое терпение, хоть он и не был достаточно уверен в себе, чтобы делать это так, как показывают в фильмах, но он делал достаточно, чтобы портить мне жизнь. Иногда я воображал, что со всей силы бью его кулаком по морде. Но вряд ли я когда-нибудь решился бы на это. Я бы начал трястись и заикаться и развернулся бы, как всегда, и все уперлось бы в то, кого я ненавижу больше – себя или его. Казалось бы, рак должен был обесценить все эти мелкие страхи. Что мне теперь мешает подковылять к Девису и ткнуть его чем-нибудь в глаз? Что мне мешает разговаривать с Миа так, словно она обычный человек, а не инопланетное существо, которое прилетело на летающей тарелке? Но в жизни все оказалось иначе. И это было досадно, честно говоря.

Девис прицепился ко мне примерно года два назад. Это было именно тогда, когда мы с Саймоном и парой других ребят впервые увлеклись «Подземельями и драконами». Девис учуял слабость. Отличие. Это было несложно, не думайте, что у мерзавца была какая-то сверхсила. Играть в игры в нашем возрасте – этого достаточно самого по себе. Настолки и кости – это детские аксессуары: «Монополия» на Рождество; «Кража» с родителями; встряхивание костей в стакане в «Сожалению!». Только попробуй принести все это с собой в школу, будучи подростком, – проблем не оберешься.

Погрузившись в размышления, я едва не врезался в Иэна Раста. В Мэйлерт учились ребята со всего Лондона. Мне приходилось спускаться в метро и делать пересадку на станции Хаммерсмит. Следовательно, гипотетически я вполне мог пройти по улице в Ричмонде, не

наткнувшись ни на единого учащегося Мэйлерт. Происходило что-то из ряда вон выходящее. Свернуть с улицы, избегая встречи с самым большим задирой в классе, лишь чтобы натолкнуться на школьного психопата, – удача определенно была не на моей стороне. Ну как сказать. Это не рак, но рак хотя бы тихо себя ведет, прячется, никуда не торопится. Столкновение с монстром лицом к лицу немедленно приводит в ужас.

– Какого черта ты тут забыл? – Иэн Раст был на два класса старше меня. То, что его до сих пор не исключили, красноречиво свидетельствовало о его умении манипулировать как своими жертвами, так и властью имеющими.

– Извини. – Я не врезался в него, но был на волосок от этого. Я пытался обойти его, но он заблокировал мне путь, шагая то влево, то вправо с широко расставленными руками.

– Куда идешь? – Его улыбка была жестокой. По-другому он не умел.

Иэн Раст не был крупным. Я был выше. Он был тощим. Он не выглядел угрожающе – пока не помотришь ему в глаза. Говорят, он как-то раз поджег бездомного. Возможно, это лишь слухи. Я ничего подобного не видел в газете. Но достаточно было совсем немного времени провести в его присутствии, чтобы поверить, что он на это способен, просто забавы ради.

– Куда путь держишь?

– К другу. – У меня во рту пересохло. Я сглатывал слюну, мне хотелось в туалет. Я чувствовал себя как кролик, который остановился посередине дороги и в ужасе смотрит на несущийся на него грузовик.

– У тебя есть друзья?

Я не думаю, что Раст знал даже, как меня зовут, но он знал меня в лицо, знал, что я хожу в ту же школу, следовательно, я был овечкой из стада, на которое он охотился. Люди говорят, что нужно быть большим, чтобы тебя боялись. Они смотрят на здоровяков-боксеров с их огромными мускулами и длинными руками, и они думают, что на улице только это и имеет значение. В действительности же самое важное – это то, насколько далеко ты готов зайти и насколько быстро. Большая часть стычек подчиняется строгой хореографии показухи и угроз. Эскалация происходит в четком соответствии с неписаными правилами. Все знают, во что ввязываются, ставки и исход известны заранее.

Страшным Раст был, потому что казалось, что он не понимает эти правила. Быть сильным, конечно, хорошо, но если игрок в регби перейдет дорогу Иэну Раству, то, скорее всего, у него будет торчать из глаза авторучка еще до того, как они дойдут до стадии тычков в плечо.

– Я... – Я с трудом мог выговорить хоть слово. Тошнота подступала к горлу, вот-вот – и меня вырвет прямо на него.

Раст просто разглядывал меня, упиваясь моей паникой, и вдруг, как будто кто-то повернул выключатель, его улыбка испарилась. Он выхватил из моих рук спортивную сумку и растегнул ее. Он ухмыльнулся и высыпал ее содержимое на мостовую: карту и записи последней игры, лист моего персонажа, кости, яблоко, которое мать тайком подложила неделю назад, все это скакало по плиткам мостовой, оказываясь в грязных лужах.

– Отвали. – Он бросил пустую сумку и пошел своей дорогой, пиная яблоко, словно мячик. Вполне возможно, что он намеревался встретиться с Девисом на углу Брод-стрит. Поговаривают, что Девис был вместе с ним, когда Раст поджег бездомного. Скорее, как приспешник, чем как соучастник.

Я стоял на месте, оскорбленный, полный адреналина, готовый сражаться или бежать, ненавидящий Раства и то, как он со мной поступил. Я был в ярости, но опустился на колени и собрал свои вещи. К тому моменту, как я нашел все страницы и попробовал отряхнуть с них грязь, он был уже далеко. Я продолжил свой путь, пытаясь стряхнуть с себя смесь ярости и ужаса, схватившись за свою сумку так, словно это была глотка Раства.

Прежде чем я дошел до дома Саймона, я вообразил себе полдюжины вариантов, как могло закончиться мое столкновение с Раством, все они были сложные, кровавые и почти столь

же ужасные, как и сам Раст. И это было то, что объединяло четырех чудаков, которые собирались рассестись вокруг стола для игры Саймона и разыграть истории, полные магии и чудовищ. Это общая нить, связывающая самых разных «ботаников» и «гигов», которые ходили на конвенции и сходки, которые выстраивались очередями перед магазином настольных игр, как только выходил новый путеводитель. Мы все были поглощены нашим собственным воображением, мы были его жертвами, нас преследовало невозможное, освещаемое представлениями – нашими собственными и других людей. Мы не были эпатажными творческими людьми, которые осмеливались выступать на сцене под светом рампы, танцевать, рисовать или даже писать романы. Мы были племенем, которое всегда ощущало себя запертым в ящике, который мы сами и не видели. И когда в нашей жизни появились «Подземелья и драконы», мы вдруг увидели этот ящик – и ключ от его замка.

– Хочу показать тебе новых орков.

Саймон оставил дверь полуоткрытой и направился к лестнице. Он никогда не говорил «Привет», когда открывал дверь. Ты стучишь в дверь, и он ее тут же открывает, как будто часами под ней поджидал, даже если ты заявишься к нему заранее. В половине случаев он просто продолжал фразу, на которой закончился ваш предыдущий разговор, словно после него не прошел день или неделя.

– Привет, Ник, как делишки? – Мама Ника крикнула из кухни, не показываясь. Она была хиппи из шестидесятых и, кажется, полностью не избавилась от старых привычек. Мне она очень нравилась, и я понятия не имел, что сказать ей.

– Э-э... Привет.

Не понимаю, как у нее родился такой ребенок, как Саймон. Иногда мне хотелось, чтобы моя мать больше была похожа на маму Саймона, но чтобы это сработало, мне пришлось бы тоже измениться. Мы оба были довольно замкнутыми, и для того, чтобы это изменить, пришлось бы раскрутить и свернуть заново нашу спираль ДНК.

– Эй! – Сестра Саймона вышла из кухни, за ней следовал их кот, огромный, медового цвета самец по кличке Чемодан. Сайан была дочерью своей матери, без сомнений: длинные волосы, хипповое платье в цветочек, легкая улыбка, неопределенный возраст (не то двенадцать, не то двадцать), полное отсутствие интереса к брату и его странной коллекции друзей.

Лестничные штанги прижимали ковер на ступенях дома Саймона, а на обоях вырастали древовидные узоры, поднимающиеся вдоль лестницы. У их дома всегда был один и тот же запах: смесь лаванды и сандалового дерева. Я впервые побывал здесь в четырехлетнем возрасте. Мы с Саймоном вместе ходили в детский сад и в начальную школу, вместе сдавали экзамен в Мэйлерт.

За это время мои родители переехали четырежды. Дом Саймона был куда более постоянным, чем мой. Здесь я в большей степени чувствовал себя дома.

– Вот! – Саймон поднял раскрашенную фигурку высотой в дюйм – воина с боевым молотом. Мне было разрешено смотреть, но не прикасаться.

– Шикарно. – Он как-то показал мне свои волшебные трюки с кистью. Я не смог их повторить.

На столе в его комнате рядом со стопкой справочников было расставлено еще с полдюжины фигурок, готовых к осмотру. Картину дополняла цветастая россыпь игральных дайсов и несколько незаконченных карт. Если бы сторонний человек посмотрел на все эти аксессуары, в его мозгу всплыло бы все, что он знает об играх, о настольных играх с костями. В этой еще были монстры. И все, суждение вынесено. Но «Подземелья и драконы» никогда не были настольной игрой. Фигурки и карты были лишь реквизитом. Правила даже не назывались правилами, это были путеводители, руководства, справочники. Все это предназначалось для того, чтобы предоставить каркас для нашего общего воображения, в котором мы могли пропадать

часами, сочиняя легенду по мере того, как она рассказывалась. Нашу уникальную историю, наполненную нашими собственными чудесами, находчивостью и воплощаемой нашими героями храбростью. И это продолжалось каждую неделю и создавалось на протяжении нескольких лет, результатом стала общая для нас история и связи, которые никаким образом не могли возникнуть за игрой в «Монополию» или карты.

Я подошел к своему стулу, и на секунду мне показалось, что комната отделилась от меня, а голос Саймона утих. Меня охватило чувство дежавю. Мое столкновение с Иэном Растом прогнало из моей головы мысли, которые вертелись в ней по спирали на протяжении всей бессонной ночи. Казалось, что рука, приподнявшая игровое поле, была не моей рукой. На стол перед моими глазами наложилось видение, которое я испытал в больнице на прошлой неделе. Мои пальцы вспомнили, как они сжимали ручку, прорезая ею борозды на лакированной поверхности стола, отправляя послание будущему мне...

– Ничего! – Древесина была гладкой, неповрежденной.

– Что? – Саймон прервал свой монолог и моргнул.

– Тут... Было что-то написано? Ты разворачивал стол?

Он еще раз моргнул.

– Нет. Ты вообще о чем сейчас?

– Ни о чем. – Я пододвинул на место игровое поле. – Просто... так.

Это казалось таким реальным, но думаю, что в этом и есть суть галлюцинаций. Уильям Оккам не был первым, кто несколько столетий назад указал на то, что простейший ответ – это, скорее всего, самый верный, но он был самым знаменитым. Я лежал в больнице с ядом в венах. Что было вероятнее: путешествие во времени или галлюцинация под воздействием медикаментов? Я сам себе усмехнулся.

– Мы что-то пропустили? – Джон распахнул дверь.

Элтон проследовал за ним, уже доставая книги из сумки.

– Надеюсь, что вы уже помолились, пацаны, потому что сегодня я сделаю вам больно! – Будучи мастером подземелья, формально он был организатором игры, именно он ваял мир, по которому мы путешествовали, но как мы справимся со всеми препятствиями, зависело только от нас.

Миа вошла немного позже, ее глаза были подведены черным, ее взгляд пронзал меня сквозь ее черную челку. Я моргнул от удивления. Одно посещение игры в «Подземелья и драконы» уже было нетипичным для любой девчонки. Второй визит был неслыханным, насколько мне подсказывал мой ограниченный опыт.

Элтон уместился за дальним краем стола, разложив свои книги, как щит для заметок и карт, которые не были предназначены для наших глаз. Он расставил свои дайсы погрубевшими от многолетних занятий карате руками. Мастер подземелья обязан быть движущей творческой силой, он должен был играть роли всех обитателей, населяющих этот мир, и быть авторитетным судьей, чтобы разрешать споры игроков и пресекать возражения.

Джон сел рядом со мной. Он был раздражающе светловолосый и красивый. Деньги, харизма и внешность. Если бы у него были только два из трех козырей, то можно было бы его простить, но полный набор не мог не вызывать возмущения. Он не обращал внимания на лист персонажа, лежавший перед ним на столе, и улыбался Миа. Она игнорировала его и вместо этого внимательно изучала лист персонажа. Судя по всему, она переписала персонажа, которого Элтон дал ей в прошлый раз.

Мама Саймона проскользнула в комнату, держа в руках поднос с апельсиновым соком и печеньями. За ней проследовал Чемодан. Она приоткрыла окно.

– Мам! – нахмурился Саймон. – Там арктически холодно.

– Свежий воздух всегда полезен. – Она открыла дверь. – И я это делаю для Миа. Через несколько часов в одной комнате с четырьмя мальчиками комната превращается в газовую

камеру. Зажги спичку и... бум! – Она изобразила руками взрыв, оскалилась и вышла. Кот проследовал за ней.

– Тебе лучше? – Миа посмотрела в мою сторону, но мне все равно потребовалось время, чтобы понять, что она обращается ко мне.

– А, ага, – соврал я.

– Лучше? – Саймон бросил на меня мрачный взгляд, словно я его предал, якаясь с противником.

– Никодимус съел что-то такое, что повздорило с его желудком. – Джон изобразил рвоту весьма гротескно. – Или оно сначала повздорило, а потом он это съел.

– Я в порядке. – Никодимусом звали моего персонажа. Возможно, я не такой уж воображаемый.

– Уж лучше бы. – Элтон скрылся за своей защитной стеной из книг. Он, конечно, бесстрашен в бою и может отлупить любое количество Майклов Девисов, но когда речь заходила о болезнях, то он становился таким же параноиком, как и все остальные.

– Ну, если тебя замутит, дай мне знать, – широко улыбнулась Миа, указывая на свой лист персонажа. – Тут сказано, что у меня есть заклинание «исцеления болезней». Универсальное, судя по всему. Одинаково эффективное как против соплей, так и против лепры.

Было бы неплохо. Я промямлил что-то о том, что я в порядке. Миа достался персонаж-клирик. Всем новичкам дают играть за клирика. Они священники и жрецы, и им достается вся магия лечения, что означает, что их услуги всегда в почете после сражения, но редко – во время. Миа сделала клирика женщиной, жрицей человека-Иисуса, и это настолько напоминало католичество, что мне показалось, что у нее зуб на церковь. Элтон как-то упоминал, что она когда-то сбежала из воскресной школы, спасаясь от преследования монахинь.

Как выяснилось, общий для всех воображаемый кризис отлично подходит для того, чтобы растопить лед. Ко времени обеда Элтон вынудил нас панически бежать из обрушивающихся пещер, и мы с Миа перебранивались, как старые друзья, обсуждая относительные преимущества наших планов по выживанию. Даже у Саймона прорезался голос, когда он потребовал, чтобы мы заткнулись и бежали!

Через час наша маленькая команда приключенцев продвигалась по узкой лесной тропинке, пока Солнце садилось на западе.

– Я залезу на дерево. Высокое. Может, увижу окраину леса. – Саймон взял свои дайсы. Он играл за вора с отлично прокачанным навыком акробатики. Когда он говорил что-то вроде «залезу на дерево», воображение приходилось напрягать сильнее, чем обычно. В реальной жизни у Саймона были большие проблемы с тем, чтобы залезть на деревья.

– Самые высокие деревья – это гладкоствольные вязы, – сказал Элтон. – На них супер-сложно залезть. Три проверки навыка. Выпасть должно семнадцать или меньше.

– То есть шестьдесят один процент вероятности, что я долезу до верхушки. – Саймон собрал дайсы.

– Ух ты! – Миа подняла глаза. – Ты просто так взял и рассчитал все?

– Он человек-калькулятор, – сказал Джон. – Смотри. Шестьсот восемь умножить на двести тридцать семь?

– Сто сорок четыре тысячи девяносто шесть, – без запинки сказал Саймон и встряхнул дайсы.

– Это невероятно! – моргнула Миа.

– Не особо. У меня больше шансов залезть на верхушку, чем свалиться, – сказал Саймон.

– Я про математику!

Саймон пожал плечами:

– Любой карманный калькулятор это может. – Он посмотрел в мою сторону. – Это Ник среди нас гений. Я собираюсь изучать математику в Кембридже. Но Ник уже все это знает из книг своего папы. Я просто хорошо считаю. Ник же – вне категорий.

– Твой папа математик? – Миа повернулась ко мне.

– Был. Он умер.

Миа сочувственно поджала губы, но через секунду продолжила:

– Если ты такой вундеркинд, то почему не поступил досрочно в университет?

– Когда они заставляют его сдавать экзамены, он притворяется, что ничего не умеет. – Саймон посмотрел на Элтона: – И что? Что я вижу с верхушки дерева?

– Не очень-то много. Уже темнеет. Солнце тонет за краем леса, и все черно-алое. Но похоже на то, что лес заканчивается через несколько миль к северу. – Элтон протянул руку, чтобы набросать край леса на нашей карте.

Мы продолжили шествие по лесной тропе, выбрав направление на север на развилке. Мы пытались зажечь фонари.

– Похоже, что они не разгораются. – Элтон бросил свои дайсы, которых нам не было видно. – Как будто ночь пожирает пламя.

– Я скастую⁵ заклинание света – мой персонаж, Никодимус, изучал тайные искусства; волшебник-стажер, так сказать.

Еще один скрытый бросок.

– Ты кастуешь, и на тропе становится светлее, но не настолько, как могло бы, это не дневной свет, а как будто ты вкрутил десятиваттную лампочку вместо стоваттной. И по краям свет моргает. Ты чувствуешь, что темнота сжимает твое заклинание, словно это физическое давление. Темнота постепенно вас окружает.

– Тогда я сжимаю зубы и концентрируюсь на том, чтобы заклинание не угасло.

– Хо-ро-шо-о-о... ты держишь его на уровне десяти ватт, но тебе плохо, мужик. Как будто у тебя кишки перекручивает. Боль простреливает твои руки и ноги. – Элтон бросил дайсы еще раз. – Вы продолжаете идти. И идете. Всего-то надо пройти примерно пять миль, но дорога виляет, а лес слишком густой, чтобы продираться сквозь деревья. Вам приходится возвращаться и пробовать другие повороты. На это уходит вся ночь. К тому моменту, когда лес начинает прореживаться, Никодимусу совсем плохо. Тропа приводит вас к ручью. Ночь все еще темна, но до рассвета осталось немного.

– Мост есть? – спросил Саймон.

– Это ручей. Шириной в несколько ярдов. Вы можете его перепрыгнуть. Не в броне, но твой вор мог бы его перепрыгнуть, не разбегаясь. – Элтон сделал еще один бросок.

– Блуждающий монстр! – Еще один бросок, и он тихо присвистнул. Его глаза широко раскрылись: – Черт возьми.

Блуждающие монстры – это непрописанная часть игры. Люди, существа или даже события имеют небольшой шанс оказаться на пути приключенцев в каждый отдельно взятый день, и они выбираются случайным образом из большой таблицы. Полагаю, что Иэн Раст был моим случайным столкновением на сегодня. Нам никогда с ними не везло.

– Никодимус видит его первым. Позади вас, на тропе, между деревьями. Темная фигура. Человек или по форме как человек. Только звездный свет отражается от лысой головы.

– Минутку... – Я поднял руку, смотря на Джона и Миа. – Вы рассказали ему, что ли?

– Рассказали мне что? – Элтон поднял глаза от своего списка монстров. Он выглядел весьма невинно, хотя любой мастер подземелья должен быть немного актером.

– Темный лес. Мне плохо. Ручей. Не река, а ручей. И потом эта хрень с лысым мужиком. – Я тяжелым взглядом уставился на Джона.

⁵ Кастовать – произносить, использовать заклинание в ролевой игре.

– Эй! – На его лице читалось, что до него дошло. – Это же *было* с нами!

Я повернулся к Миа:

– Ты ему рассказала, значит. – Это не было вопросом.

– А что, это был секрет? Никто не просил его хранить. – Она пожала плечами и уткнулась в свой лист персонажа. – Но вообще-то я ничего не рассказывала.

– Что за ерунду вы обсуждаете? – Бровь Элтона приняла одну из своих знаменитых изогнутых форм. Клянусь, между складками его лба, когда он нахмурен, можно просунуть монеты, и они не вывалятся.

– Это похоже на то, что произошло с нами прошлой ночью, – сказал Джон.

– Вы что, долбаного вампира вчера встретили?

– Стой! Что? Это вампир? Не неси чушь. – Джон выпрямился на стуле.

– Нам каюк, – вздохнул Саймон и перевернул лист своего персонажа.

– У тебя плохой бросок. – Элтон приподнял свои книги, чтобы показать дайс. Два нуля. Шанс один из двухсот. – Очень плохой бросок.

– И все-таки, – сказала Миа. – По крайней мере, ты нечаянно выдал нам, что это за существо.

Элтон шмыгнул носом:

– Ты клирик. Жрецы могут учуять подобные вещи. Это нежить. Она не может спрятаться от жрицы. – Он оглядел стол. – Что вы будете делать?

– Бежать, разумеется! – Я передвинул фигурку своего волшебника в переднюю позицию в группе. – Он может сожрать тех, кто в броне!

Мы все быстро пришли к одному и тому же решению, и наша бравая команда вскоре мчалась в ужасе вдоль берега.

– Вы все бежите вереницей: Никодимус впереди, вор Финнис сразу за ним, двое остальных несколько отстают. – Элтон расставил фигурки. – В изгибе реки перед вами...

– Излучине, – перебил Саймон.

– Что?

– Когда река так изгибается... это называется «излучина».

– Хорошо, частная школа. В *излучине* перед вами... ждет вампир. Они, знаете ли, летать умеют.

– Черт. Я... э... – Я посмотрел на мои бесполезные заклинания. – Я готовлюсь умереть. – Даже если бы вампир нас не убил, всего лишь прикосновением он мог бы выкачать из нас опыт, забрать нашу память, оставить нас высушенными, тенью того, кем мы были когда-то.

– Я не могу его изгнать? – спросила Миа. – Жрецы это делают, да?

– Покажи ему свой крест! – посоветовал Джон.

– Я в бешенстве, но я не знаю, чем это поможет, – улыбнулась Миа.

– Нет, он хочет сказать...

– Она знает, что он имеет в виду, Саймон.

Иногда до Саймона медленно доходят шутки.

Элтон посмотрел на свой закрытый книгами участок стола.

– Клирики могут отпугивать нежить, но на твоём уровне... Вампира... – Он поставил перед ней два дайса. – Бросай. Но это должен быть экстраординарный бросок.

– Я сама экстраординарность. – Миа бросила дайсы без традиционных для нас пыhtения и агонии, с которыми мы делали важные броски.

– Девяносто девять!

– Елки зеленые.

– Итак, ты успеваешь как раз в тот момент, когда вамп уже приноровился попробовать Никодимуса на вкус, и поднимаешь свой крест. Похоже, что Человек-Иисус следит за тобой, и распятие начинает светиться. Наш лысый друг ковыляет в твою сторону, но... и в этом весь

смак, потому что никакая опасность вам изначально не грозила... Кровосос не может пересечь текущую воду, так что он как бы взаперти. Конечно, вы все могли перейти реку вброд в любой момент.

– Я знал это, – сказал Саймон.

– Я знаю, что ты знал, – сказал Элтон. – Но что-то знать и применять это знание на практике, когда потребуется, – это не одно и то же.

– Он в ловушке? – спросила Миа.

– Пока ты можешь держать крест.

– Я думаю, что могу удержать его до рассвета, – широко улыбнулась Миа.

– Черт, она права. – Джон откинулся на спинку стула. – Ты, Миа, только что сама убила вампира!

– Ну, бли-и-ин... – Элтон покачал головой. – Он не просит о пощаде, ничего такого. Он просто смотрит на вас, как будто вы аппетитные куски мяса.

– Не смотри ему в глаза, – сказал Саймон. – Они умеют гипнотизировать.

Элтон вздохнул:

– Хотя бы это ты вспомнил. Итак, вы ждали, пока лучи солнца не коснулись его, и он закричал и обратился в пыль тотчас же: лишь его одежда упала на землю. – Он вновь покачал головой: – Только не говорите, что *это* тоже произошло вчера! Только попробуйте!

– Ну, мы убежали, – улыбнулся Джон. – И он вполне мог быть вампиром...

– Я проверяю останки. У него не может не быть сокровища. Да? – Саймон очень хорошо отыгрывал роль жадного вора, когда подворачивалась возможность.

Элтон вновь посмотрел в таблицы.

– Надо сделать на это бросок. Дай пять.

Я встал, чтобы размять затекшие ноги, и подошел к окну. Оно было открыто лишь на полдюйма, но холодный воздух коснулся моей шеи, и кости заболели. Я уже протянул руку, чтобы закрыть окно, когда увидел его. «Нет, он не был вампиром». Никто из них не услышал меня. Зато я знал, что лысый мужчина из парка не был вампиром. Он стоял там под солнцем. Ну ладно, это был слабый январский свет, но его хватило бы, чтобы испепелить вампира. Он поднял глаза. Он стоял на улице, за забором сада Саймона, и наблюдал за мной.

4

– Ты придешь в субботу? – Саймон подошел ко мне в коридоре между математикой и французским. Он всегда говорил об играх в «Подземелья и драконы» так же напористо, как тренер команды по регби перед важными матчами. Как будто присутствие – вопрос жизни и смерти.

– Да, я буду.

– Элтон приведет с собой... сам знаешь?

– Миа? Не стесняйся, Сай, она не материализуется за твоей спиной, если ты произнесешь ее имя.

Саймон выдал нервную улыбку и на всякий случай обернулся.

– Да. Ее.

– Она классная. Спасла наши окорока от вампира. – Мне хотелось, чтобы она пришла.

– Она ведь с Элтоном, да?

– Не, – улыбнулся я. – Они просто друзья. Прикидываешь шансы, Сай? – Казалось, что Элтон дружит сразу с дюжиной девчонок, но он никогда не говорил, что у него есть девушка. Что странно, потому что в школе мы все время болтали о девушках. По крайней мере, воображаемых. Вероятно, это была привычка, характерная для школ для мальчиков. Возможно, когда вокруг достаточно настоящих девочек, такие привычки не возникают.

– Миа симпатичная. Но знаешь, старик, мне кажется, что у Джона больше всего шансов в этой игре.

Саймон покраснел:

– А что там твой маньяк? Он тоже придет?

Когда я в прошлый раз заметил «маньяка», игра прервалась на полуслове. К тому моменту, как остальные подошли к окну, он уже уходил, и когда мы всей гурьбой выскочили на улицу, его уже и след простыл. Это была во многом моя вина, потому что я словно отключился у окна, меня как волной накрыло чувство дежавю. Когда я спускался по лестнице, меня охватило видение того, как я поднимался по ней утром. Запутавшись в своих мыслях, я споткнулся и кубарем пролетел последние ступенек двенадцать. Так что у нашей жертвы были все шансы спастись. Хотя я понятия не имел, что бы мы сделали, если бы поймали его.

Потом запыхавшийся и потный Джон, догнав нас с Миа у ворот, сказал, что не смог как следует разглядеть того парня. Так что как я могу вообще быть уверен, что это тот же самый мужик?

– Не так уж мало лысых у нас в округе...

Но Миа крепко призадумалась. Она первая подошла к окну, когда я заметил незнакомца. Она увидела только, как он уходит, но...

– Все-таки что-то с ним не так.

Коридор пустел по мере того, как поток учеников перетекал в открытые двери классов.

– Нам пора идти.

Мы с Саймоном встали в конец очереди, выстроившейся перед кабинетом французского. Не самый мой сильный предмет.

– У нас вроде сегодня контрольная? Потому что я не...

– Линяешь, Хэйс? – Кто-то потрепал меня по волосам на затылке. – У тебя все плечи волосами усыпаны.

Я обернулся и увидел Майкла Девиса, сжимавшего клок черных волос между большим и указательным пальцем с таким видом, будто это что-то отвратительное.

– В твоём возрасте и уже лысеешь, Хэйс? Это со всеми ботанами случается? – Он разжал пальцы, и волосы упали.

Майкл Девис был обладателем широкого лица, непроницаемых темных глаз и на удивление гладкой кожи для пятнадцатилетнего парня. Он заслуживал прыщей. Хочется, чтобы все худшее в людях было заметно сразу. У него было внутри столько яда, что того и гляди – вот-вот выплеснется. Но он выглядел даже дружелюбно, когда не ухмылялся. Я был выше его, но он был заметно шире – как от мускулов, так и от жира.

– Что? – спросил он. Его ухмылка приняла угрожающий вид.

Но все мое внимание завладели выпадающие волосы. Плотный темный клочок. Такой нужно вырвать, он просто так не выпадает. Говорили, что если химиотерапия доберется до волос, то сделает это между второй и третьей неделей. Интересно, восемь дней – это рекорд?

На следующий день я пришел домой к Саймону в шерстяной шапке. Не в одной из этих цветных штучек с помпончиком, а в тонкой черной шапке, которую мой отец однажды надел для того, чтобы покататься на лыжах, прежде чем он понял, что кататься на лыжах он не умеет и никогда не научится. Она была такой клевай, что ее могли бы носить New Order⁶... если бы они вообще носили дурацкие шерстяные шапки.

– С вампиров падает сокровище класса «Н». – Саймон открыл дверь фактически в тот момент, когда я протянул руку, чтобы постучаться, и начал разговаривать. – Если повезет с бросками, это будет золотая жила.

Я последовал за ним вверх по лестнице.

– Эй, Нико! Клевай шапка! – крикнула мне мама Саймона, звеня молочными бутылками, которые она поднесла ко входной двери.

Даже после этого очевидного намека Саймон ничего не заметил. Я мог зайти к нему в костюме Микки-Мауса, и то сомневаюсь, что он это как-то прокомментирует бы.

– Чего это ты в шапке? – Джон зашел в комнату еще до того, как я выложил свои книги на стол.

– Религия обязывает. Я все вам расскажу в конце игры.

– Нет, серьезно. В чем прикол? Она изнутри фольгой обшита?

– Серьезно. – Я поднял руки. – Конец игры. Все тайное станет явным!

– Неудачная прическа. – Джон кивнул Саймону, который, моргая, пялился на проблемный предмет одежды, словно до сих пор он был государственной тайной.

Пришлось повторить весь процесс, когда прибыли Элтон и Миа, но движимый алчностью Саймон оказался непреодолимой силой, вынудившей нас оторваться от портняжных вопросов.

– Я целую неделю ждал возможности узнать, что несла с собой эта горстка пыли. Да пусть у Ника хоть рога отросли. Я хочу знать!

Элтон принялся за работу:

– Итак, у него нашелся кожаный кошелек с пятьюдесятью дукатами и рубин размером с ноготь большого пальца.

– Пятьдесят золотых. Средний рубин. Записал. – Саймон сделал заметки в своем персональном списке сокровищ. Однажды вор – всегда вор.

– Ну ладно, а что еще? У него обязательно должно быть что-то еще.

– Также железная трубка, в фут длиной, в два дюйма диаметром, с гравировкой в виде вьющегося плюща, закрытая с двух сторон.

– Футляр со свитком. Записано. Что еще?

– Это все. – Элтон откинулся на спинку стула, подложив руки под затылок.

⁶ «New Order» – британская рок-группа 1980-х годов, основанная участниками Joy Division.

– Проклятье! – Это было самое страшное ругательство в устах Саймона, хотя его мама вполне могла вогнать в краску матросов.

– А что в свитке? – спросила Миа. Ее героиня могла кастовать заклинания, а свиток в дорогом футляре, скорее всего, был заклинанием зачарования.

– Вы открываете футляр. Вы слышите шипение, когда срабатывает открывающий механизм, как будто кто-то втягивает воздух сквозь зубы, и раздается запах... запах сухих костей, из-за которого вам хочется задержать дыхание. Вы вылавливаете изнутри свиток из плотного, пожелтевшего пергамента. Он подозрительно похож на человеческую кожу, и вы рады, что надели перчатки. – Перед глазами стояла описываемая Элтоном картина. – Буквы были впечатаны в пергамент, возможно, еще до того, как эту кожу с кого-то содрали. Ваши глаза болят от попытки прочесть, что там написано, и слова не складываются ни во что осмысленное.

– Очень злые чары. – Джон потянулся к фигуркам, чтобы переставить своего воина подальше от жрицы Миа.

– Отдай его Никодимусу, – сказал Саймон. – Что бы там ни было, это явно не божественная магия.

Я кивнул:

– Я попробую.

Я поднял руку прежде, чем Элтон открыл рот:

– Я надену перчатки.

Элтон пожал плечами:

– Итак, ты его изучаешь. Для тебя слова имеют смысл. Это магия как раз той школы, которую ты изучаешь, но гораздо более высокого уровня. Заклинание так сложно понять, что у тебя начинается адская головная боль.

– Я сажусь и продолжаю изучать свиток. Остальные могут подождать. – У моего персонажа был максимальный интеллект. Это было скорее ради самодовольства, потому что после определенного уровня это уже почти не имело особого значения.

– Хорошо. Ты кое-как понимаешь, что в свитке. – Элтон протянул руку и передал мне сложенный клочок бумаги, чтобы я знал, что это за заклинание, и мог сделать выбор, поделиться с окружающими или нет. Я прочитал написанное на бумажке и вернул ее Элтону.

– Тупейшее заклинание в игре, – сказал я. – «Слово Силы: Убийство».

Джон нахмурился. Миа никак не отреагировала. Саймон шумно вдохнул.

– В какой вселенной «Слово Силы: Убийство» – тупое? Это свиток девятого уровня! Мы его можем толкнуть за несколько тысяч монет!

– А что оно делает? – спросила Миа.

– Ты произносишь слово и указываешь на кого-то, – сказал Саймон. – И он умирает. После чего свиток рассыпается в пыль.

– Понимаешь, о чем я? – спросил я.

– Можно убить *кого угодно*? – Джон еще сильнее нахмурился.

– Ну, из всех людей и существ, которых мы уже повстречали в игре, кого угодно, да.

– Просто так? Без спасброска?⁷

– Да.

– Это *правда* тупо, – кивнул Джон.

– Это гениально! – сказал Саймон.

– Почему тебе не нравится это заклинание, Ник? – Миа наклонила голову набок, наблюдая за мной. Как оказалось, мне нравилось внимание с ее стороны.

⁷ Спасбросок – бросок дайса на избежание некоторого негативного эффекта в игре. Например, если персонаж выпил яд, то нужно выбросить больше (или меньше) определенного числа, чтобы яд не подействовал.

– Практически все, что происходит в этой игре, дает тебе шанс. Ты делаешь спасбросок или какой-то другой бросок, и если на дайсе выпадет хорошее число, то ты можешь выбраться из тяжелейшей передрыги. Это может быть на грани невозможного. Один шанс из двадцати. Один шанс из сотни. Но тебе дают шанс. Не выбор, а шанс. Но это? Это ничто. Человек с заклинанием говорит «Умри», и ты умираешь. Вот и сказочке конец. – Я пожал плечами. – Мне это не нравится.

Миа поджала губы, затем кивнула:

– Я понимаю.

Игра продолжилась. Свиток отправился в рюкзак Никодимуса: он был слишком ценным, чтобы его использовать, но и без использования вызывал волну беспокойства у всех за столом. Несколько часов прошли незаметно, как это всегда бывает, когда ты во что-то погружаешься с головой. Настоящий мир отодвинулся на задний план, а воображаемый мир Элтона попал в свет рампы.

Миа оказалась смешливой, временами шокирующе грубой и весьма хитроумной, за счет чего она достигала задуманного. Я то и дело украдкой посматривал на нее. Она с головой ушла в игру, чего у меня так толком и не получилось, меня всегда что-то сдерживало. Я хотел быть похожим на нее. Если я и умру молодым, я хотел хотя бы выжать из жизни последние соки. Но собственную природу изменить невозможно. Даже если сама жизнь приставит ствол к виску.

– Ты в порядке, Ник? – спросила Миа, держа наготове в кулаке дайсы. – У тебя бледный вид.

– Все хорошо, – отмахнулся я. Боль в ноге на мгновение ослабла.

В больнице тебя просят оценить свой дискомфорт по шкале от нуля до десяти. Ничего лучшего они не смогли придумать, но боль ничего не говорит о природе этого зверя. Боль может оставаться такой же, пока ты меняешься. Это как с поднятым большим пальцем на руке. Он закрывает обзор ровно настолько, насколько близко он поднесен к глазам. На расстоянии вытянутой уки он закрывает лишь кусочек неба. Поднеси его поближе, и он закроет собой почти все, выдворяя мир на периферию зрения. Игра помогла мне переключиться на что-то другое. Большую часть игры боли в длинных костях моих ног и дискомфорт в желудке лишь немного раздражали. Временами они были подобны копыю, пригвоздившему меня к тому факту, что я болен.

– Итак... – Элтон закрыл свой блокнот и сгреб в кучу дайсы. – Игра продолжится в другой день, потому что мне пора. – Он принялся запихивать книги в свою сумку. – И что осталось узнать – это все-таки в чем же прикол твоей шапки, Никки? – Он широко улыбнулся.

Внезапно все взгляды устремились на меня. За столом я было и забыл о том, что на мне надета шапка. Она сразу же показалась очень тяжелой. Мне захотелось соврать. Сказать, что волосы у меня выпадают от нервов. Это называется «стрессовая алопеция». Я нашел термин в словаре. Но хотя мне было невероятно, исключительно, баснословно стыдно признаваться в том, что у меня рак, все-таки еще хуже было объявить о том, что я начал лысеть в пятнадцать лет без уважительной причины.

– Да, почему ты в шапке, Ник? – с улыбкой спросила Миа.

Во рту у меня пересохло, и внезапно я понял, что не могу справиться с дрожью в голосе. Словно я в любой момент мог разрыдаться или вытворить что-то в равной степени глупое.

– Я не ходил в школу в этот четверг и в прошлый четверг тоже не ходил, потому что я был в онкологической палате.

– Онко – что? – фыркнул Джон.

– Палате? – нахмурился Саймон. – Типа, в больнице.

– Рак, – угрюмо сказал Элтон. – Не круто, чувак. Над этой хренью не смеются. Не шути так с нами.

Я умолк. Хотя мое внимание и было поглощено попытками составить слова в предложениях недрогнувшим голосом, я был поражен тем фактом, что все ребята сказали почти точно то же, что в моем странном больничном видении.

– Я не шучу. – Я стянул с головы шапку.

Молчание. Все четверо уставились на мою бледную макушку, проглядывавшую сквозь редяющие черные волосы.

Элтон заговорил первым:

– Не, мужик... – Он встал со своего стула, его черные глаза заблестели. – Этого не может быть.

– Рак? – прошептал Саймон, не поднимая глаз.

– Только не в мою смену. – Вопреки всем ожиданиям, Элтон обошел стол за три шага и буквально поднял меня со стула, чтобы обнять. Меня никогда до сих пор мальчики не обнимали. Да и девочки, если уж на то пошло. Только мать по особым случаям, да и две моих бабушки на Рождество. Я стоял, не зная, что делать с моими руками, стиснув зубы, чтобы не выплеснулись накопившиеся эмоции.

– Черт. – Джон понял, что он должен что-то сказать. По его лицу было видно, что он не может подобрать слова. – Я, ну... черт! – Он стукнул по столу так сильно, что дайсы подпрыгнули, а фигурки опрокинулись. – Тебя же вылечат, да?

– Конечно. – Я выскользнул из объятий Элтона. – Мы же живем в мир чудес, не так ли? У меня в спальне есть компьютер! Ну... «Коммодор-64»⁸. – Я понял, что начал заговариваться. – Я... эм... мне пора.

Я принялся запихивать свои бумаги и книги в сумку. Казалось, что ничто не хочет влезать.

– Сай, ты как?

Саймон не отрывал взгляда от стола, его бровь изогнулась, свидетельствуя о яростной концентрации, в которую он впадал, когда был совершенно не согласен с решением мастера подземелья, и его голова наполнялась паром, на котором работал его механизм возражения.

– Сай? – У него заходили желваки на лице. Как всегда, это не предвещало ничего хорошего. – Земля – Саймону? – Я потянулся к его плечу.

– Рак? – Он подскочил на ноги, опрокинув два стула.

– Рак! – крикнул он так громко, что на лестнице раздались шаги. – О чем ты, черт тебя подери, думал?

Он побагровел от ярости. Я лишь раз видел его в таком состоянии, много лет назад, когда мы его дразнили из-за какой-то мелочи и достигли точки невозврата. Низкорослый, в ширину Саймон был почти такой же, как в высоту, и если он катился на тебя, словно бочка, спастись было некуда.

– Ты все испортил!

Слезы блестели на его пунцовых щеках. Я не мог его винить. Какая-то часть меня тоже хотела кричать, и рыдать, и разбрасываться вещами. Но если я открою эту дамбу и дам волю потоку эмоций, я понятия не имею, как остановиться. Вместо этого я втиснул оставшиеся вещи в сумку.

– Что происходит? – Мама Саймона показалась на пороге. На ней был надет фартук, руки были все в мыле от мытья посуды.

– Мне пора идти. – Я схватил сумку и протиснулся между ней и дверью. Все одновременно заговорили:

– Извините.

– Ник? Нико!

⁸ Commodore 64 – персональный игровой компьютер с 64 килобайтами оперативной памяти, выпущенный в 1982 году.

Я сбегал вниз по лестнице, едва не споткнувшись о Чемодана и тем самым едва не испортил свой Срочный и Неотложный драматический побег. Еще через мгновение я уже бежал по улице.

Мне всегда казалось, что из меня получился бы хороший бегун. Худой, длинноногий. Но нет. Какие бы там ни требовались легкие и сердце для исправного бега на длинные дистанции... в общем, у меня была другая их разновидность. Через два квартала от дома Саймона силы мои иссякли, и я оперся на воротный столб, пытаюсь перевести дыхание. Я закашлялся, икнул, и меня стошнило, и всю мостовую забрызгало смесью шоколадных батончиков и апельсинового сока.

Я схватился за ворота. Из моего открытого рта лилась слюна, и чувствовал я себя премерзко. Я не мог обвинять Саймона. Он был устроен не так, как обычные люди, и это касалось не только карманного калькулятора в его голове. Он не мог смириться с переменами. Даже перемены к лучшему были невыносимы. А перемены к худшему... ну, от этого он мог съехать с катушек.

– Боже, Хэйс! Ты что за херню творишь?

То, что Майкл Девис оказался рядом со мной именно в этот момент, казалось таким невообразимым абсурдом, что я проигнорировал звуки его голоса и не стал поднимать головы.

– Это отвратительно. Всю улицу запахал.

Я вытер рот и продолжил его игнорировать.

– Слышал, что ты напоролся на Иэна Раста на днях. Он все твое барахло в канаву пошвырял.

Я выпрямился. Все мое тело дрожало, хотя я так и не понял, из-за страха, злобы или рвоты.

– Вытряхну-ка я твою сумку на эту кучу. – Девис кивнул в сторону блестящей лужи под моими ногами. Он уже потянулся к спортивной сумке на моем плече, как вдруг кто-то прошел мимо меня. Темная фигура. Он взял и задвинул кулаком прямо в рот Девису. Настоящий удар с разворота.

Девис оступися назад, схватившись за лицо, потом упал прямо на задницу. Он застонал и опустил алые от крови руки. Незнакомец наклонился над ним. Сначала мне показалось, что это Элтон меня догнал, но это был тот лысый мужик.

– Ты лучше беги, потому что мне понравилось и я хочу еще. – Он пнул Девиса в вытянутую ногу. – Улепетывай!

Девис поднялся на ноги, вновь держась за лицо, наполовину контуженный. Мужчина резко шагнул в его сторону, и Девис повернулся, чтобы убежать.

– Гребаный ты псих. – Он добрался до угла. – Я полицию вызову, ублюдок!

Мужчина притворился, что бежит за ним, и Девис удрал.

– Ух, это было классно! – Мужчина повернулся ко мне: – Я двадцать пять лет ждал этого шанса. – Он тряхнул ладонью. – Хотя и капец как больно!

Я стоял с разинутым ртом. Подходящих слов не находилось. Он был высоким, на пару дюймов выше меня, может, шесть футов и два-три дюйма ростом. Не так уж и стар. Лет сорок, наверное. Он казался мне знакомым, и от этого мне было неуютно.

– Кто... Зачем... – У меня кружилась голова. Все те случаи, когда я его видел, окружили меня в кольцо. В больнице, в парке, в окне. Я прислонился к стене в поисках опоры. – Зачем вы это сделали?

– Зачем? – Он размял руку, поморщился и широко улыбнулся: – Чтобы завоевать твое доверие, конечно же.

5

- Он что сделал?
- Влепил Майклу Девису прямо в рыло.
- Да ладно! – Джон встал с края моей кровати, как будто эту идею было слишком сложно переварить сидя. – Я его видел сегодня в школе. У него половина лица была фиолетовая.
- Хорошо. Он заслужил.
- И все же... – Джон снова сел. Я поморщился. – Он же на всю голову трехнутый, да?
- Не то слово. – Я набросил один из своих свитеров на грудку книжек по квантовой механике на моем прикроватном столике.
- Ну что же, если у нас и появился собственный маньяк, то пусть он будет именно девисоклотильной разновидности, – покачал головой Джон и оглядел мою комнату. Кровать занимала половину всего пространства. Комната Джона была размером с амбар и была доверху набита всякими прикольными штуками. У него на стене был викингский боевой топор и сирийский шлем с кольчугой на стойке.
- Собираешься в школу на этой неделе?
- Может, в пятницу, – пожал плечами я.
- Он выглядел как псих? Я имею в виду, вблизи. Глаз подергивался?
- М-м-м... нет. – Он был похож на моего отца. Хотя это был не он. Слишком много было отличий, чтобы понять, даже если не принимать в расчет похороны. Но он был настолько на него похож, что вполне мог быть каким-нибудь тайным дядей, о котором мне никто никогда не рассказывал.
- Что он сказал?
- Всякие странные и непонятные вещи. Он сказал мне, что через неделю придет поговорить со мной снова. Что-то еще добавил про то, что нужно было время, чтобы эхо успокоилось и мы могли поговорить как следует. Мне было больно и кружилась голова, поэтому всего я не запомнил. Впрочем, он мне назвал свое имя: Димус.
- Я – Димус, ты – Ник. – Лысый поднял руку, чтобы пресечь вопросы. – Я знаю все... Мы поговорим на следующей неделе, когда ты будешь готов меня услышать. А до тех пор почему бы тебе не держаться подальше от школы и не заняться домашним заданием?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.